

Марина Эльденберт
По ту сторону льда

«Литнет»

2022

Эльденберт М.

По ту сторону льда / М. Эльденберт — «Литнет», 2022

С ней будут проблемы. Это первое, что я подумал, когда Лаура Хэдфенгер впервые вошла в мой кабинет. С ней. Будут. Проблемы. Я знал это с самого начала, и тем не менее выбрал ее. Домашнюю девочку, которую так просто сделать своей. Девушку, лишенную пламени, на которую мой дракон отзывается как на пару. С ней будут проблемы. Эта мысль до сих пор не дает мне покоя. Равно как и мысль о том, почему я позволил ей подойти так близко. Почему позволил ей оказаться по ту сторону льда. **ВАЖНО:** История Торна Ландерстерга. События развиваются параллельно с историей «Парящая для дракона. Книга 2»

© Эльденберт М., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1

— Она уехала. С ним.

Стенгерберг докладывал лично, и то, что он докладывал лично, было к лучшему. Его присутствие напоминало о том, что такое контроль. Контроль, который при упоминании о ней постоянно летел ко всем драконам.

С ней будут проблемы.

Я понял это сразу, как только Лаура Хэдфенгер впервые переступила порог моего кабинета, а если быть точным — ворвалась в него подобно ледяной волне. Хотя если уж быть до конца с собой честным, ничего ледяного в ней не было. Скорее, она напоминала весенний ветер, переменчивый и непредсказуемый.

С ней будут проблемы.

Я понял это сразу, когда почувствовал, как на нее отозвалось пламя — хотя этого не должно было быть. Лаура Хэдфенгер не была иррханессой, и притяжение к ней было диким, иррациональным, и от этого еще более неправильным.

Когда она устроилась на стуле, демонстрируя ажурный край чулок — тогда мне показалось, что это было сделано нарочно, хотя спустя несколько дней я уже не был так в этом уверен; говоря по правде, с ней я никогда и ни в чем не был уверен, потому что все мои логические цепочки крошились об эту девушку, как хрупкие ледяные наросты — я понял, что изнутри поднимается волна звериного пламени. От желания выставить ее за дверь или просто разложить прямо на столе меня отделяли выдержка и годы тренировки контроля, который именно сейчас почему-то решил дать сбой.

— Что ж, Лаура Хэдфенгер. Почему вы хотите стать первой ферной Ферверна?

— Я не хочу.

Она смотрела в глаза прямо и открыто, и она не играла. Драконы легко чувствуют фальшь, но Лаура Хэдфенгер говорила правду. Она не хотела. В тот момент она действительно не хотела ей быть.

— Что делаем дальше?

Возвращаем.

Швыряем к моим ногам. Ее. И его. Их двоих.

Рука, покрытая чешуей, сжалась произвольно. Под защитой дракона — это был единственный шанс остановить горение — пламя по-прежнему жгло. Концентрация пламени в тот момент была такой сильной, что врачи разводили руками. Они не знали, что с этим делать. Я тоже не знал. Моя ладонь продолжала гореть, вобрав в себя такую мощь пламени, которая могла не оставить от моей же собственной резиденции ни камня. Ни крошки. Ото всех, кто там был.

Мысль об этом жгла чуть ли не сильнее, чем текущее сквозь кости и кожу пламя.

— Торн.

— Ты проверил других претенденток?

— Да, с девочками все в порядке. Единственное, я бы не рекомендовал тебе ферну Ригхарн.

— Что с ней?

— Всплыла пикантная особенность ее прошлого. Они с бывшим парнем встречались с женатыми парами, обменивались партнерами в сексе. Ее отец основательно позаботился о том, чтобы об этой истории никто не узнал, но если нашел я, найдут и другие. Чуть раньше или чуть позже.

Я повернулся к нему. Стенгерберг обладал талантом достать из-под земли то, что пытались спрятать даже в ее ядре. Я думал о том, что одно мое слово — и Лаура Хэдфенгер снова

будет в моем кабинете. Здесь, где несколько дней назад я был в полушаге от того, чтобы вбиваться в хрупкое податливое тело прямо на этом столе. Чтобы позволить пламени прорваться сквозь чешую и скользить ладонью по ее коже, цепляя стоящие соски, дурея от ее рваных стонов и криков, прорывающихся на пределе сил.

Я действительно мог это сделать. И тогда, в резиденции, когда ладонь лежала на ее хрупкой шее, как последняя преграда между ней и моим звериным началом, и тогда, когда она приволокла ко мне виари, чтобы просить вернуть ее к дракону.

Я почти это сделал. Почти.

То, что я остановился в первый раз было делом привычки. Контроля, разом вырубаящего любые чувства и любые эмоции.

То, что я остановился во второй, было чудом.

Поэтому сейчас я сказал:

— Свободен, — и, оставив Стенгерберга за спиной, подошел к окну.

«Она уехала. С ним».

Раскрыв ладонь, я смотрел на текущие между чешуйками искры. Это помогало сосредоточиться, помогало справиться с тем, чего не должно было быть.

Не должно, но оно было.

Именно поэтому чем дальше Лаура Хэдфенгер будет от меня, тем лучше.

Развернувшись, приблизился к коммуникатору, коснулся панели.

— Одер, назначай собеседования. Мне нужно встретиться со всеми претендентками на этой неделе.

— Боюсь, что все по-прежнему без изменений, Торн.

Я смотрю на Ардена, а вижу аэроносилки. Белое, как снег, лицо, огромные глаза, и вспоминаю странное, непонятное чувство, поднимающееся изнутри. Мне хочется порвать всех, кто это устроил, но сейчас мне гораздо больше хочется коснуться ее лица и сказать, что все будет хорошо.

Дико?

Может быть. Я привык к тому, что все разрешается без лишних слов, здесь и сейчас, но с ней мне хочется говорить. Поэтому я наклоняюсь и убираю с ее лица прядку волос, которая ощущается легким скольжением шелка под пальцами. Этот шелк, это прикосновение тает на коже, взамен ему приходит ставшее уже привычным ледяное пламя. Сейчас я чувствую только его, поэтому смотрю на друга в упор:

— Ясно.

Мы с Арденом познакомились в академии, с тех пор наши пути несколько раз сходились и расходились, но он, пожалуй, единственный, кого я могу назвать другом. Пусть и не в классическом понимании: мы не встречаемся за ужинами, пересекаемся только по делу, но когда мы пересекаемся — как сейчас, я знаю, что ему я могу доверять.

— Ты слышал мнения разных специалистов, и все они сходятся.

— Мне не нужны другие мнения. Только твое.

— Пламя не угасает. Ты слишком мощно ударил, оборот — единственный вариант.

Оборот.

В наше время, несмотря на стремительно растущую силу, на расширяющийся от пламени мир, о нем говорят шепотом. Несколько случаев оборотов за последние шесть-семь лет обсуждают за закрытыми дверями на специальных заседаниях Мирового сообщества.

Рэйнар Халлоран — глава Аронгары и его первая леди — Леона Халлоран совершили оборот на грани жизни и смерти. Будучи достаточно сильными иртханами, они оба едва вернулись к истинному облику. Хотя что считать истинным.

Мы больше драконы, чем люди, но мы скрываем это даже от самих себя. Прячемся за законами цивилизации, за костюмами и высотками, хотя в нас гораздо больше звериного, чем человеческого. Долгие годы считалось, что иртхан современности не способен обернуться, а после снова принять человеческий облик — сознание человека тут же сотрет пламя, но мы опровергли эту теорию. Здесь и сейчас, опровергли наши современники, и даже фервернцы.

Джерман Гранхарсен — отличный пример. Сильное пламя, не сказать, чтобы выдающееся, среднестатистически сильное — и он вернулся. Правда, обернувшись в то же время аронгарцу уже не так повезло, но, если верить словам Рэйнара Халлорана, его пламя было недостаточно мощным. Как бы там ни было, этот парень остался драконом, и именно после этого Мировое сообщество вынесло на рассмотрение законопроект, по которому оборот считается запрещенной манипуляцией.

Запрещенной манипуляцией — то, что долгие годы для сильнейших иртханов древности было как дыхание. Наши драконы и мы — единое целое, но в последнее время мы заглушили голос зверя настолько, что еще чуть — и нас проще будет равнять с виарами.

— Оборот, — повторяет Арден. — Тебе нужно будет подать запрос в Мировое сообщество с указанием причины. Видит небо, я сделал все, чтобы этого избежать.

— Я знаю.

Достаточной причиной для оборота считаются медицинские показания — например, попытка справиться с огненной лихорадкой, которая с древности и по сей день считается неизлечимым заболеванием, редко, но метко уносящим жизни иртханов. В случае ОЛ огонь разгорается внутри и не может угаснуть, выжигает иртхана за считанные дни без возможности вырваться на свободу.

Второй причиной является непосредственная угроза жизни — свод правил приводит конкретные случаи, что считается непосредственной угрозой.

Третьей — спонтанный оборот, совершенный непроизвольно. Правда, в этом случае, совершившему его будет уже совершенно безразлично, нарушил он что-то или нет, поскольку такое может произойти исключительно с детьми или с подростками, не умеющими совладать с собственным пламенем. В данном случае ответственность целиком и полностью ложилась на родителей, наставников или преподавателей.

— Я сделаю заключение. Соберу заключения остальных, все анализы и результаты обследования...

— Не стоит. — Я поднялся.

— Торн, не думаю, что это стоит оставлять так.

— Я не собираюсь это так оставлять. — Никому другому я бы не стал ничего объяснять, но Арден — другое дело. — Мне не нужно ничье разрешение на то, чтобы совершить оборот на своей территории.

Записи с камер были достаточно четкими, чтобы различить двух драконов. Черный зверь раза в три больше крохотной истинной драконицы надорвал ей крыло и швырнул на скалы. Спустя мгновение над заснеженными горами метнулась красная тень, подхватившая раненую. А еще чуть позже появился четвертый дракон. Именно с этой истории начался запрет на обороты.

Династия Гранхарсенов — достаточно значимая династия Ферверна, тем не менее сейчас они отошли в тень. Дело было не только в том, что один из принадлежавших к их фамилии спятил настолько, чтобы охотиться на подводных фервернских драконов, вливать себе их кровь и ломать сознание правящего в то время моей страной. Дело было в том, что Гранхарсены, сколько я их помню, всегда пасовали и прогибались. Или вообще занимались непонятно чем,

да пожалуй, всем, чем угодно, кроме политики. Джерман Гранхарсен сбежал в Аронгару и предпочел уйти в шоу-бизнес, где благополучно пребывает и по сей день.

Я смотрел, как два дракона уходят под воду, и как после ввысь взмывает один. Чтобы рухнуть поломанным к ногам уже обернувшейся девушки, бегущей к нему по снегу. Эти двое и были теми, кто вернулся, а вот полыхающий на фоне снегов красный навсегда остался зверем.

Дармин Тергран, преданный Халлорану и совершенно лишившийся рассудка после потери пары. Создавший из обычной девушки иртханессу, нарушивший законы двух миров. Ему не хватило силы вернуться, но его сила не шла ни в какое сравнение с той, которой обладал Халлоран или его жена. Не говоря уже о моей.

Халлоран упирал на то, что ему не хватило привязки — привязка считалась необходимой составляющей оборота, чтобы иртхан мог вернуться, но в древности никаких привязок не существовало. Иртхан был единым целым со своим драконом, и, пожалуй, пришло время напомнить остальным, кто мы на самом деле.

— Ты уверен? — уточнил сидевший рядом со мной Арден.

— Уверен. Иначе бы я тебя не пригласил.

— Всегда приятно знать, что мы встречаемся исключительно по весомым поводам, когда речь идет о жизни и смерти.

— В данном случае повод не настолько весомый.

— Ты недооцениваешь серьезность оборота, Торн.

— Ее переоценивают остальные.

Ждать больше не имело смысла — тем более что я и так ждал слишком долго. Ждал, пока меня снова и снова обследовали. Ждал, пока она уедет из страны.

Она уехала. С ним.

При мысли об этом пламя заворочалось внутри с такой силой, что ладонь полыхнула еще сильнее.

— Торн, — произнес Арден, когда я поднялся. Впервые, кажется, за все время знакомства, я видел в глазах друга тревогу. Медики вообще специфические, не говоря уже о медиках-иртханах, разгребаящих последствия секретных спецопераций, но такое выражение его глаз мне не нравилось.

— Иногда — на секунду, мне очень хочется, чтобы в меня верили.

— Это ты сейчас так сострил?

— С чего вдруг такие выводы?

— Да тебе до чешуи, кто в тебя верит, Торн. Ты прешь напролом, и никогда не останавливаешься.

— Когда телохранитель моего отца остановился, это очень плохо закончилось. Ты здесь — поэтому сможешь собрать меня по чешуйкам, если я развалюсь в полете. Твоя лаборатория соберет из них дракона, и вы вместе вернете меня к жизни. Я в тебя верю.

У Ардена кончились аргументы, или его настолько впечатлила моя речь, не представляю. Как бы там ни было, он просто отступил в сторону. Я направился к двери, и в то же мгновение смартфон отозвался звонком. Стенгерберг беспокоил меня исключительно по неотложным делам, поэтому ответил я на ходу.

— Слушаю.

— Она купила тест на беременность.

Я все-таки остановился.

Так с Лаурой Хэдфенгер было всегда, и ярость от осознания этого сейчас была сильнее, чем я мог себе позволить. Потому что Арден не учел одного: рядом с ней я всегда останавливался.

Рядом с ней я становился другим.

И это было непростительной ошибкой.

— Пока отбой. Я сообщу, что делать дальше.

Смартфон остался в кабинете с Арденом, а я все-таки вышел за дверь. Шел, ускоряя шаг и чувствуя, как набирает мощь пламя в груди. Оно растекалось по венам, превращая тело в оголенный нерв, перестраивая его и подготавливая к тому, что не способен пережить иртхан, но с чем способен справиться дракон.

Тест на беременность.

Она вполне могла купить его здесь.

Но она ждала до Раграна.

Думала, что там сумеет от меня спрятаться?

«Если бы помощь требовалась нашему ребенку...»

Могла ли она тогда проговориться? А я был настолько занят внутренней борьбой, что не придал этому значения.

Коридоры резиденции внезапно стали давящей клеткой, сжимающейся вокруг меня с немыслимой силой. Я вырвался из нее, вдыхая ледяной воздух, сгустившийся к ночи колючими иглами мороза, и позволяя пламени рваться сквозь каждую клеточку тела.

Огонь в ладони стал слабым, далеким и бессмысленным, окутавшее меня пламя кроило и перестраивало мое тело по образу и подобию тех, у кого мы его забрали.

Мгновение — и крылья рывком подбросили меня в воздух. Мощные, сильные, огромные, с каждым мгновением земля становилась все дальше, черные изломы гор под снежными шапками казались просто тонкими линиями, которые я в силах надломить одним ударом лапы или раскрошить единственным выдохом.

И я вдохнул, набирая ледяную мощь в раскрывшиеся диким объемом легкие, и выдохнул — вместе с яростью, потоком пламени и рычанием. Мир подо мной больше не был моим, он стал всего лишь куском земли, бессмысленным и бесполезным без той, к кому я рвался отчаянно и безумно.

Обладание.

Дикая, звериная мощь, которую я готов был обрушить на любого, кто посчитает возможным мне помешать.

Она. Должна. Быть. Моей!

Удар хвоста распорол воздух, крылья ударили по нему с невиданной силой. Оставляя за спиной все, что стало неважным, я развернулся в сторону океана.

Сила дракона была невероятной. Ни с чем таким мне раньше сталкиваться не приходилось, когда все доводы разума становятся неестественными, пустыми, ненужными. Когда сама суть рвется к одной-единственной девчонке, которая... да она даже не иртханесса! Пламени в ней — ноль, если не сказать минус. Тогда, в библиотеке, она поглощала его, как бездна, падая в него и задыхаясь от этого слияния. Я лишь на миг утратил контроль, и это пламя как с цепи сорвалось, дракон внутри бился об арматуры человеческого тела.

Стоило это вспомнить — и перед глазами темнело.

Хрупкая, отзывающаяся на каждое прикосновение стоном, а на каждый рывок — криком. Впитывающая мое рычание и мое пламя, распластанная по столу, готовая на все.

Я успел перехватить сознание на границе столкновения со щитом. Боль привела в чувство, и этого мгновения мне хватило, чтобы снова управлять телом, чтобы прийти в себя и развернуться.

Арден, встречавший меня у резиденции, больше не сказал ни слова, а я обошел его и пошел в душ. После чего позвонил ей.

Глубокой ночью. Точнее, это в Хайрмарге была глубокая ночь, в Рагрране — уже утро.

Она солгала. Или нет.

В том, что касается Лауры Хэдфенгер, я не был ни в чем уверен, потому что стоило мне услышать ее голос — голос, звенящий привычным вызовом, как ярость снова ударила изнутри таранами. Настолько мощными, что даже сила, разрушившая драгоценный камень, не шла с ними ни в какое сравнение.

Почему эта женщина вызывает во мне такие чувства?

Почему именно она?

Ответа на этот вопрос не было, равно как не было еще множества ответов, но один — и вполне конкретный — я собирался получить в ближайшее время. Поэтому сразу после звонка ей набрал Стенгерберга и сказал, что жду у себя.

Только после этого пригласил Ардена в кабинет.

— Значит, не сработало.

В том, что касается немногословности, он мог поспорить со мной.

— Не сработало.

Я смотрел на руку, покрытую чешуей — мне показалось, или ее стало чуть больше? Возможно, показалось, потому что браслет часов, который мог бы являться границей, отсутствовал. Часы я сначала перекинул на другую руку, а после и вовсе снял. В мире, напичканном электроникой, они были аксессуаром, не более, но камни под стрелками напоминали мне осколки, впаявшиеся в мою ладонь.

— Торн, нужны дополнительные исследования.

— Нет. Не нужны.

— Нет?!

— Нет. Я вполне способен справиться с этим сам.

У Ардена дернулась челюсть.

— Это беспрецедентный случай.

— У меня нет времени отираться в твоих лабораториях. — Я покачал головой, предупреждая, что больше об этом говорить не намерен. — Мне нужно, чтобы ты съездил в Рагран. Это строго секретно, именно поэтому я прошу тебя.

— В Рагран? Туда, где...

— Она беременна. Или нет. Я хочу это знать, и мне нужно, чтобы твои анализы были точными. С погрешностью до минуты зачатия.

— Ты издеваешься? — Он усмехнулся.

— Ты меня понял.

— В последнее время я вообще тебя не понимаю. Ты же без ума от этой девочки. Зачем ты ее отпустил?

Я посмотрел на него в упор. Этот взгляд Арден выдержал, пожалуй, только он и Стенгерберг могли его выдержать.

— Это мое дело.

— Твое. Но я видел, что с тобой творилось, когда ты ее ко мне привез...

— Ты выполнишь мой приказ, и на этом мы закроем тему «этой девочки».

— Иди ты в задницу, Торн.

Арден поднялся и вышел из кабинета, а я открыл ноутбук. График завтрашних встреч включал в себя несколько девушек: Одер работала быстро. Анкеты, которые я уже видел, были дополнены несколькими новыми — именно их проверял Стенгерберг.

Солливер Ригхарн.

Двадцать четыре года, модельный бизнес. Начинала с подиумов, потом перешла на рекламу ведущих модных домов. Сексуальных связей было несколько, и одна — та самая, о которой говорил Стенгерберг — была сразу после совершеннолетия. Я рассматривал ее фото: каштановые волосы, отливающие медью, точеные черты лица, дерзкий взгляд, и думал о том, что с ней могут быть проблемы.

Не просто могут.

С ней они однозначно будут.

Я переслал анкету на почту Одер с пометкой: «Поставить в приоритет» как раз в тот момент, когда ко мне вошел Стенгерберг.

— Мне нужно, чтобы ты сопровождал Ардена с его передвижной лабораторией в Рагран. Все строго секретно. Данные о том, беременна она или нет, мне нужны до начала рабочего дня. Если беременна, забираете ее и привозите сюда.

— А если нет?

— Если нет — просто возвращайтесь. Арден в резиденции, найди его — и вперед. Все контролируешь лично.

После его ухода я еще раз взглянул на фото Солливер Ригхарн.

И захлопнул ноутбук.

Глава 2

— Что значит — на ней его харргалахт? — интересуюсь я.

Спокойно настолько, что мне становится беспокойно.

— Они обручились.

Стенгерберг никогда не показывает своих чувств, но сейчас чувств вокруг меня слишком много. Или их слишком много вокруг девчонки, которая возомнила, что может играть со мной в игры.

— Напомни, ты должен был привезти мне анализы. Анализы, или ее. Почему я не вижу ни того, ни другого?

— Торн, она под его защитой. Ты это прекрасно знаешь.

Я это прекрасно знал. Я знал, что драконов Эстфардхар — рагранец, и что эта ситуация переросла Ферверн. Теперь она международного масштаба, и я сам это допустил. Это я тоже знал.

— Свободен.

— Торн...

— Я сказал: свободен.

Арден отказался со мной говорить. По крайней мере, он отказался со мной говорить как друг, а тащить его в Айрлэнгер Харддарк приказом мне не хотелось. Мне не хотелось этого по одной простой причине: друга после этого разговора у меня не станет.

Дверь за Стенгербергом закрылась, и я коснулся панели. Блокировка запечатала меня в моем кабинете, сделав стекло матовым, от второй ладони, лежащей на столе, тонкими трещинами расплзался лед. Когда Арден осматривал меня впервые, он сказал, что я удержал всю свою силу лишь чудом, сконцентрировав ее в одной точке горения. Сейчас она растекалась свободно, иней чешуей раскрывался на полу и вдоль стен.

Мне нужно оставить Лауру Хэдфенгер в прошлом.

Или она оставит в прошлом меня.

Осознание этого сейчас было столь отчетливым, что я с трудом удержался от желания отменить все встречи и спустя два часа уже быть в Рагране. Смотреть ей в глаза и впитывать ее присутствие всем пламенем. Смотреть ей в глаза, когда Эстфардхар будет снимать свое клеймо и корчиться от боли.

Коротко, надтреснуто пиликнул коммуникатор.

Я сжал руку в кулак, и она отозвалась ледяным хрустом, кристаллы осыпались вниз и растворялись в сиянии пламени.

— Слушаю, Одер.

— Ферн Ландерстерг, к вам ферна Ригхарн. Вы просили поставить ее в приоритет, и я перестроила расписание.

Одер — профессиональный секретарь. Временами мне кажется, что я могу поставить ее вместо нового главы пресс-службы, и справится она в разы лучше.

— Приглашай.

Когда открылась дверь, иней уже отступил. Морозный узор на столе растаял, оставив после себя легкую дымку.

Фото не лгали: ферна Ригхарн была темноволосой и стильной молодой женщиной. Даже не скажешь, что сразу после совершеннолетия она с таким же сопляком и с еще одной не сказать что сильно возрастной парой развлекалась неподобающим образом. Глядя на эту женщину, вообще сложно было представить себе что-то подобное, и у нее была одна совершенно потрясающая черта — она ни капли не напоминала Лауру Хэдфенгер.

— Доброе утро, ферна Ригхарн.

— Доброе утро, ферн Ландерстерг.

Глаза у нее были зеленые, настолько пронзительно-зеленые, что впору заподозрить линзы. Но линзы она не носила, это было в отчете Стенгерберга. Свой цвет. Цвет волос — тоже: насыщенный, как шоколад с карамелью. Карамель возникала, когда на ее волосы попадало солнце, даже сквозь матовое стекло.

— Прошу. — Я указал ей на стул. — Хотите кофе?

— Одер мне его уже предлагала.

Солливер опустилась на стул: плавно и грациозно, линии ног под юбкой-миди были изящны и безупречны.

— В таком случае, предлагаю сразу перейти к делу, — сказал я. — Мне нужна женщина, которая станет моей женой. Вы понимаете, что это значит, ферна Ригхарн?

— Почему я?

Я посмотрел на нее в упор.

— Ваша служба безопасности наверняка знает обо мне все. Соответственно, вы тоже знаете обо мне все, ферн Ландерстерг. Поэтому я повторю свой вопрос: почему я?

— Считаете, что вы недостаточно хороши для меня?

Солливер наклонила голову и улыбнулась:

— Напротив. Считаю, что я слишком для вас хороша.

Я кладу руку в перчатке (несмотря на особое покрытие, этих перчаток хватает от силы дня на два-три) на стол. В отличие от Хэдфенгер, Солливер Ригхарн вызывает во мне разве что исследовательский интерес, и тот — исключительно на уровне драконьих инстинктов.

— Аргументируйте.

— Ну как же, — смеется она. — Вам нужна первая ферна и будущая мать ваших наследников, не больше. А я столько всего умею в постели, что было бы жаль, если бы мои таланты пропали впустую.

— Интересный у нас получается разговор, Солливер.

— Не могу не согласиться, Торн.

Эта женщина общается со мной на равных, и мне это нравится. Нравится ее прямой взгляд и отсутствие кокетства — скорее, это прямая констатация своих достоинств без лишних акцентов на них. Я оценил ее фигуру сразу, как только она вошла, фигуру, стиль, умение держаться. Мне кажется лишним встречаться с кем-то еще после общения с ней, но однажды я уже совершил такую ошибку.

Поэтому сейчас говорю:

— Что вы делаете сегодня вечером?

— Сегодня вечером я занята. Но если хотите, я могу попробовать освободить завтрашний вечер для встречи с вами.

Теперь с губ срывается смешок. Мне кажется, что я впервые за долгое время улыбаюсь — так же впервые я улыбался рядом с Лаурой, и при воспоминании о ней улыбка гаснет. Если бы можно было выгнать ее из памяти, ее и ее имя, раскрошить его так же, как я поступил с тем кольцом, я сделал бы это, не задумываясь.

— Освободите, ферна Ригхарн. — Я снова перехожу на официальный тон. — У меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Солливер приподнимает брови. Они у нее не широкие — по последней моде, но идеальные. Я бы сказал, она вся идеальная на роль первой ферны, но когда-то, глядя на Лауру Хэдфенгер, я подумал так же.

— Вот теперь вы меня заинтриговали, — произносит она.

— Не все же вам интриговать. — Я касаюсь коммуникатора, завершая наш разговор: — Одер, пожалуйста, сделай кофе для ферны Ригхарн. У нее сегодня насыщенный день.

Солливер снова улыбается.

Мы с ней поднимаемся одновременно, и я думаю о том, какого дракона я не рассматривал ее кандидатуру раньше.

Потому что меня заклинило на дочери Юргарна Хэдфенгера. Я считал, что это идеальный политический ход. До той минуты, как я ее увидел, это так и было.

— Хорошего дня, — говорю я.

— Легких собеседований, — отвечает она.

Выходит, оставляя за собой тонкий шлейф духов — кажется, Форрани Седфилз, «Падшие небеса». Я заказывал их для Эллегрин, точнее, их заказывала Одер, и мысли об Эллегрин на миг отбрасывают меня в прошлое. В те дни, где под словом «контроль» я понимал только желание отца всем и вся говорить, что они должны делать.

Эту часть воспоминаний я отсекаю резко и без малейших сожалений: возвращаться сюда мне сейчас точно не стоит. Прошлое вообще не стоит того, чтобы им заниматься, а будущее я создаю сам. Каждый миг.

Поэтому сейчас снова касаюсь коммуникатора:

— Одер, когда следующее собеседование?

— Через полчаса, ферн Ландерстерг.

— Хорошо.

Только сейчас я понимаю, что мы с Ригхарн говорили от силы десять минут. Десять? Если не пять.

По сути, это не так уж мало, особенно в контексте моего графика. Я едва успеваю погрузиться в работу, когда снова пиликает коммуникатор.

Претендентки, по большей части, скучны.

Кто-то восхищается моей реформой, кто-то изображает хорошую девочку (может стать, и не изображает), кто-то пытается впечатлить познаниями в области истории, экономики и политики. После обеда я понимаю, что убить полдня на эти собеседования было бесполезной тратой времени.

Бы.

Если бы этот фоновый шум не вышибал меня из мыслей о Рагрانه и о том, что Лаура Хэдфенгер, возможно, носит моего ребенка.

Когда поток благородных девиц всех сортов и мастей иссякает, я предупреждаю Одер, что беспокоить меня нельзя, и с головой ухожу в последние сводки, стекающиеся ко мне от глав департаментов.

В Ниргстенграффе сейчас все относительно успокоилось, но там продолжают поиски Лодингера. Стенгерберг говорит, что его бы обязательно засекли камеры, и что искать там уже нечего, но этот Лодингер не дает мне покоя.

С ним тоже могут быть проблемы, и гораздо более серьезные, чем кто-то может себе представить. Досье на этого психопата я изучил вдоль и поперек, поэтому поиски не прекратятся, пока мне не принесут его тело. Куски его тела. Или что там от него останется.

Информации много, в какой-то момент я теряю счет времени, а прихожу в себя от настойчивого сигнала.

— Слушаю.

— Ферн Ландерстерг, вы просили не беспокоить, но это уже третий вызов из приемной ферна Халлорана.

Я смотрю на часы: да, о времени я действительно забыл.

— Соедини нас. — Я ослабляю галстук и откидываюсь на спинку стула.

— Торнгер.

— Рэйнар. Что-то экстренное? — Не люблю длинные предисловия.

— Об этом я хотел спросить у тебя. Вчера один из наших спутников зафиксировал твой оборот.

Я посмотрел на руку. Сейчас, затянутая в перчатку, она выглядела совершенно обычно, но обычной она не была, и все, что со мной происходит — тоже.

— Скажем так, на то были причины.

— Какие именно?

— Такие, которые я не намерен разглашать.

На том конце мира ненадолго возникла пауза, в которой разрастался лед. Когда Рэйнар заговорил снова, его голос звучал значительно резче:

— Ты знаешь закон, Торнгер.

— Этот закон не имеет никакого отношения ко мне.

— Повтори, пожалуйста?

— Я голосовал против, — произнес я. — И ты знаешь мою позицию по поводу запрета на обороты.

На этот раз пауза была более короткой, но от этого не менее прохладной.

— Торнгер, я помню твою позицию, и разделяю ее. Отчасти. Тем не менее это решение было принято нами совместно, большинством голосов на заседании Мирового сообщества. Ты не хуже меня знаешь, что такое закон, и не хуже меня понимаешь, что будет, если мы перестанем его соблюдать. Особенно мы.

Рэйнар замолчал, но я не собирался ничего говорить. Поэтому продолжать пришлось тоже ему:

— Наше общество держится на соблюдении этих законов. Мы — сильнейшие, и если мы сами начнем переступать через то, что сохраняет наш мир, ничем хорошим это не кончится.

— Наш мир сохраняем мы, — произнес я. — И мы сохраняли его тысячелетиями, сильнейшие из нас. Помнишь, что было, когда мы начали терять силу и связь с теми, от кого началась наша раса? Тогда чуть не рухнуло все. Сейчас мы находимся у истоков нового мира, и наша сила растет. Мы не имеем права держать ее взаперти.

— Вместе с силой растет и ответственность.

«Сила — это ответственность, Торн. Пока ты это не поймешь, из тебя не получится ничего цельного».

«Я уже цельный. И моя ответственность больше, чем ты можешь себе представить».

Я хорошо помнил этот разговор с отцом, и помнил, после чего он состоялся. Тогда мне было одиннадцать, но сейчас никто не станет мне говорить и указывать, что я должен делать.

— Ты прав, сила — это личная ответственность каждого. Я ни разу не позволил вам усомниться в том, что я ей злоупотребляю, не так ли?

— Мировое сообщество встревожено событиями с семьей Хэдфенгеров.

— Тех, которые счастливо живут в Зингсприде в настоящее время?

— Тех, кого ты выслал из Ферверна. Это — злоупотребление властью.

— Что насчет Лодингера, Рэйнар?

Вот теперь пауза повисла долгая.

Настолько долгая, что я сполна успел ей насладиться. По правде говоря, Халлоран своей идеальностью уже настолько меня достал, что сейчас я готов был высказать ему все. И высказал бы, если бы, выражаясь его словами, не ответственность, которая на меня возложена.

— Я не обязан перед тобой отчитываться, Торнгер.

— Совершенно правильно. Точно так же, как не обязан перед тобой отчитываться я.

— В твоем возрасте я совершил много ошибок, — его голос стал еще жестче, — и считаю своим долгом тебя предупредить, что намерен сообщить о случившемся остальным.

— Сообщай. — Я смотрел на перчатку, которая расползалась лохмотьями. — В моем возрасте ты еще не отвечал за целую страну. Удачного дня, Рэйнар.

Ответственность.

Круглосуточный контроль, каждый день, каждую минуту — вот что было в моей жизни с самого детства. Если Халлоран думает о том, что знает, каково быть ответственным за такое, он сильно ошибается.

Драконы не спят по четырнадцать суток: для них это нормальный физиологический процесс — бодрствование в течение такого промежутка времени. Мой рекорд, по крайней мере, рекорд осознанный, когда я оставался в сознании с чистым разумом — пять. Поэтому вторые, по сути, для меня не значили ничего. Я не просто не спал, потому что был занят — а раньше это было именно так. Я не хотел спать.

Ночь Хайрмарга раскрывалась по ту сторону окон миллионами огней, а я проводил время в спортзале. Оборудованный на втором этаже моего пентхауса, он не уступал ультрасовременным фитнес-центрам. Раньше тренировка была для меня обязательной по утрам, для поддержания формы. Силовые тренажеры, беговые, проверка реакции и координации. Чередование стрессовых условий — ледяной душ и ослепляющая жара, которая в теории возможна при столкновении синего и красного пламени в бою.

Сегодня по возвращении из Айрлэнгер Харддарк я провел в спортзале пять часов, но не выжал из себя и десятой части энергии, которая во мне клубилась. Арден был прав, со мной происходило что-то странное. Или что-то странное происходило с драконом во мне, который бился о прутья клетки человеческого тела, рычал, рассыпая внутри ледяные искры. В такие моменты ладонь начинала нестерпимо гореть. Ладонь и клочок запястья, на которое заползал изломанный узор чешуи.

Пиликнул напульсник: пришел отчет Стенгерберга.

Он присылал отчеты о ней три раза в день, и мне казалось, что это длится целую вечность.

Двое суток как вечность: остается только гадать, до каких пределов вечность способна растягиваться.

Строчки были скупыми — разумеется, они не могли отразить ее взгляда, когда Лаура Хэдфенгер спускается по ступенькам грязного перехода. Не могли отразить ее жестов, движений, и уж совершенно точно они не могли отразить тонкую хрупкость ее запястий под моими пальцами.

Шелк кожи.

Пульсацию жилки на шее и хриплые вздохи, когда я был в ней.

Припухшие губы.

Тихое:

— То-орн... — на выдохе.

Глаза в глаза.

Сейчас она вся — раскрытая подо мной.

Моя до последнего вздоха.

Я поймал себя на пределе сил, на боевом тренажере-симуляторе ближнего боя, после чего зашвырнул себя в ледяной душ. Дракон внутри снова сходил с ума, и это было основной причиной, по которой я собирался продолжать обороты.

Этот зверь, с которым мы должны быть единым целым, не станет мной управлять.

Хлещущие по телу ледяные струи сейчас ощущались как летний дождь: спустя пару минут тело перестает воспринимать холод и адаптируется. По-хорошему, ни холода, ни жара не существует — настолько, чтобы выбить меня из равновесия. Именно это определяет мое состояние — равновесие и контроль. Которые я создаю сам.

Угрозой этому не будет никто.

«Отмени слежку».

Я отправляю приказ раньше, чем сознание успевает проникнуться им.

Где-то внутри крошатся осколки вырванных кадрами фотограмм — стоящий у ее дома Эстфардхар с букетом цветов.

Харргалахт над небольшой аккуратной грудью. Я не должен его видеть, но я его вижу — чужой знак принадлежности на нежной коже, отблесками полыхающий на ее белизне. И напряженный сосок под тонким кружевом белья.

И судорожный вздох — когда она раскрывается, когда лежит, раскинув бедра, и пламя льется сквозь них, концентрируясь в харргалахт и отражаясь в его глазах.

Что-то с грохотом рушится.

Лед хрустит под ногами, иглами впивается в кожу, шипы ледяных кристаллов вспарывают каждый сантиметр пространства вокруг, чтобы с грохотом обрушиться вниз. Здесь, в тренажерном зале, тоже звуконепроницаемые стены, и когда последняя изломанная панель осыпается крошкой, как кольцо в моей ладони, я наконец-то чувствую вибрацию.

Вибрация напульсника, сообщающая, что звонит Стенгерберг.

Я стою посреди того, что было тренажерным залом, на хрустящих осколках льда.

— Да, — отвечаю коротко.

— Всю слежку? — уточняет он. — Даже фоновую?

— Всю.

Я отключаюсь и иду в душ.

Тот, что в другой части пентхауса, рядом со спальнями.

Тот, который уцелел.

Автоматическая дверь за моей спиной натывается на ледяные иглы, раздается жалобный хруст.

Который сменяется тишиной.

Глава 3

Сегодня на Солливер платье стального цвета. Оно идеально вписывается в интерьер и остужает его, по меньшей мере, градусов на десять, если не сказать больше. Для встречи с ней я выбрал ресторан «Эрхарден», в переводе с древнефервернского «Непокоренная высота». Располагается он на сто четвертом этаже здания, спроектированного Ульрихом Нигельманном. Сюда наравне с нашими знаменитыми высотками и смотровой площадкой комплекса Грайр-энд Рхай водят экскурсии, но даже летом, в лучах заходящего солнца, интерьер сверкает кристалликами заснеженных вершин.

Нам предстоит ужинать в общем зале, на платформе, возвышающейся на четвертом ярусе у панорамного окна величиной в шесть этажей. Когда Ритхарн идет по залу, на нее оглядываются: и мужчины, и женщины. Она — воплощение элегантности, волосы собраны на затылке, только два завитка обрамляют лицо. Из украшений на ней — только серьги, и я могу сразу сказать, что эти серьги созданы из фервернского льда по эксклюзивному заказу в «Адэйн Ричар».

— Прекрасно выглядите, Солливер. — Я поднимаюсь ей навстречу, и она улыбается.

— Я ждала, что вы это скажете.

— Я так предскажуем? — Мне снова хочется улыбнуться.

— Нет, просто ваши комплименты — это нечто особенное.

Я отодвигаю для нее стул, а после возвращаюсь на свое место. По ощущениям, Солливер не испытывает ни малейшей неловкости от того, где ей приходится ужинать, с кем ей приходится ужинать, и в каком окружении ей приходится ужинать. Мергхандаров она, кажется, не замечает — как само собой разумеющееся.

— Как прошел твой день, Торн?

Инициативу она тоже не стесняется проявлять, равно как и на «ты» переходит с небывалой легкостью.

— В работе.

— Мой тоже. — Она изучает меню на планшете, благодарит официанта за стакан воды (который выбрала вместо аперитива), но акцентирует внимание на моем взгляде. Мы сталкиваемся ими, и в ее глазах я вижу что-то похожее на то, что мог бы видеть в своем. Сканирующий эффект.

— Съемка? — уточняю я.

— Угадал! — Солливер смеется, и, надо признать, смех у нее весьма заразителный. — Известность отсекает сразу несколько возможных тем для разговора. Например: кем вы работаете, и все в том же духе. Или дело вовсе не в нашей известности?

— Кем работаю я, ты точно знаешь.

— Почти справедливо.

— Почти?

— У меня нет на тебя досье.

Она опускает глаза раньше, чем я успеваю ответить, роняя уголки тени от длинных густых ресниц на высокие скулы. А когда поднимает, интересуется:

— Можешь посоветовать хорошее вино?

— Ты не знакома с картой вин «Эрхардена»?

— Тебя это удивляет?

— Скажем так, немного. — Я открываю электронное меню на первой странице барной карты.

— Как я уже сказала, вчерашний вечер у меня был занят, сегодняшней день — тоже. Ну и потом, о том, куда мы едем, я узнала от Хестора.

Я отправил за ней водителя Лауры. Так или иначе подводя черту под этой страницей своей жизни — и я действительно не вспоминал о ней до того, как прозвучало имя водителя. Нет, не о ней. О снимках, на которых она вместе с Эстфардхаром изучает Рагран.

— У тебя было целых сорок минут, чтобы поинтересоваться меню.

— Целых? — Солливер откидывается назад и смотрит мне прямо в глаза. — Я не привыкла заниматься делами, когда еду расслабляться.

Я выделяю несколько вин, и у нее в меню они перехватывают подсветку.

— Странно, у меня создалось ощущение, что ты привыкла изучать игровое поле.

Она приподнимает брови. Делает это так изящно, что мне невольно хочется коснуться ее лица. Ригхарн все делает изящно. Закидывает ногу на ногу. Подается вперед. Даже бокал с водой поднимает так, будто там уже самое дорогое вино.

— Привыкла, — отвечает Солливер. — Если это критично.

Она отмечает вино двухсотлетней выдержки и еще несколько бутылок, смотрит на меня.

— В остальном полностью полагаюсь на твой выбор.

Мы делаем заказ, и спустя пару минут официант уже расставляет бокалы и добавляет необходимые приборы.

— На чем мы остановились? — спрашивает она, когда мы снова остаемся наедине.

— На критичных узлах игрового поля.

— Ах, да. — Солливер закусывает губу — на миг, а после снова пьет воду.

Воду она пьет так, что я сразу представляю ее губы на своем члене.

— Так что для тебя критично? — спрашиваю, так и не дождавшись продолжения от нее.

— Критично... предположим, тот факт, что ты выбрал столик в общем зале, и что нас сейчас могут видеть все. Ты же хотел, чтобы нас все видели, Торн?

— Для тебя это имеет значение?

Мы смотрим друг на друга, и она не отводит взгляд.

— Вероятно, да. Если я спрашиваю. — Солливер чуть наклоняет голову. — Мне нужно понимать правила игры.

— Ты понимаешь их не хуже меня.

Можно сказать, наш разговор завершен, но он продолжается. Продолжение заключается в том, как официант наливает мне вино — на два глотка, и когда я его пробую, она меня изучает. Дождется, пока я поставлю бокал, и только после этого берет свой. Оплетая изящными пальцами ножку и едва касаясь стекла верхней части.

— Приятное, — выносит свой вердикт.

Я киваю, и официант разливает вино, после чего ставит бутылку на специальный столик-подставку, и уходит.

— Ты что-то говорил о сюрпризе.

— Сюрприз — на то и сюрприз, чтобы оставаться таковым до конца.

Мне нужно понимать, что Солливер не обременяют лишние чувства и надежды по поводу наших отношений, и они ее действительно не обременяют. Либо она прекрасная актриса (потому что на краткий миг мне показалось, что в ее голосе прозвучало некоторое разочарование). Как бы там ни было, сейчас она улыбается:

— Я полагаю, это ужин станет частью нашего соглашения?

— Все верно. — Смотрю на нее поверх сцепленных рук. — Как так получилось, что ты стала моделью?

— Мне хотелось доказать всему миру, что я невыносимо прекрасна. Полагаю, ты стал политиком по той же причине?

А она хороша. Если честно, мне начинают нравиться наши пикировки, и пусть это не входило в планы, будет приятный бонус.

— Совершенно точно нет.

— Нет? Тогда почему?

— В моей жизни стоял выбор между политикой и военной службой. Последнее оказалось невозможным по причине того, что я не готов подчиняться.

— Вот как? — Она снова пригубила вино. — Любишь, чтобы подчинялись тебе?

— Подчиняться тому, кто видит ситуацию шире — наиболее разумный и рациональный способ как можно скорее прийти к наиболее выгодному для себя результату. Пока дожидаемся ужина, поделись своими соображениями по поводу моей реформы.

— А они должны у меня быть? — Солливер снова приподняла брови, но тут же приняла расслабленный и скучающий вид.

— Не должны?

— На мой взгляд, нет. Реформа — твоя, с какой стати мне ее оценивать.

— Я спрашивал не оценки, а твоего мнения.

— Прости, но ты меньше всего похож на мужчину, которого интересует чье-то мнение, Торн.

Я едва скользнул взглядом по мергхандарам.

— Свободны. Ждите внизу.

— Опасно, — заметила Солливер, когда мергхандары спустились по лестнице и остановились у нее.

Пара за соседним столиком, расположенным на полуровня ниже, не сводила с нас глаз. Расстояние до них, правда, было такое, что они вряд ли могли что-то слышать — в этом плане «Эрхарден» идеален.

— Опасно говорить со мной в таком тоне, — сообщил я. — Надеюсь, мы друг друга поняли?

— Тем не менее в ресторан ты пригласил именно меня, а не одну из этих... девочек-припевочек. — Солливер подняла руки. — Я не собираюсь воевать с тобой, Торн. Я просто хочу, чтобы ты уважал мои границы. Мы друг друга поняли?

Она пожала плечами и чуть подалась назад:

— Кроме того, я просто сказала правду. Мне бы хотелось, чтобы между нами с самого начала была исключительно правда — насколько это возможно. В деловых соглашениях я ценю честность, открытость и прямолинейность. Ты всеми этими качествами обладаешь на двести процентов. Только пожалуйста, избавь меня от светских разговоров в ключе «я спрашиваю это у каждой».

— Не у каждой, — хмыкнул я. — Честность и смелость всегда подкупают.

Солливер развела руками.

— Если бы я не могла ответить именно так, я бы не пришла на встречу. Ты же меня сожрешь и не подавишься. И если уж говорить открыто — о твоей реформе — это было честно и смело, и ты сделал это раньше остальных, хотя назревало это десятилетиями. Именно поэтому остальные так бесятся.

Я оперся о подлокотник и подпер подбородок рукой.

— Давно ты следишь за политической ситуацией?

— Я не слежу. Я просто неплохо ориентируюсь в мире современной информации и делаю соответствующие выводы. Драконов ради, это уже напоминает не деловой ужин, а политические переговоры. За нас!

Солливер подняла бокал, мы едва успели сделать по глотку, когда к нам снова поднялся официант.

— Это произведение искусства, — произнесла она, когда мужчина поставил перед ней тарелку с салатом.

— Благодарю, ферна Ригхарн. Я передам ваш комплимент шеф-повару.

— Обязательно.

— Что ты думаешь об отключении щитов?

Этот вопрос я не собирался ей задавать. Но сейчас, наблюдая за легкой игривой неприужденностью, с которой она перевоплощалась, просто не удержался.

— Вероятно, мне полагается высказать что-то очень умное, но я недостаточно хорошо разбираюсь в драконах, Торн. Думаю, со временем ты мне все расскажешь, и я сделаю определенные выводы. А пока давай поставим этот момент на паузу.

Больше мы к политике не возвращались. Обсуждали современную кухню (которая в таких ресторанах больше напоминает искусство), вина и все, так или иначе связанное с этим направлением. Она пришла в восторг, узнав про Доража Эмери и про его карьеру, и в еще больший — когда я пообещал их познакомить.

— Мы, творческие люди, всегда найдем общий язык, — воодушевленно сказала Солливер. — Особенно те, кто сделал себя сам.

— Модельный бизнес — это творчество?

— Еще какое! — Она рассмеялась. — Иногда уже не представляешь, как еще встать, чтобы это не сделали сотни раз до тебя. Я уже не говорю о выражениях лица.

— Уверен, с этим у тебя все в порядке.

— Ты слишком во мне уверен, Торн.

— Иначе тебя бы здесь не было. — Я отложил салфетку. — Как ты смотришь на то, чтобы продолжить вечер в моей резиденции?

Солливер чуть приоткрывает рот, или просто размыкает губы: у нее это выглядит настолько откровенно, что даже к услугам фантазии прибегать не надо.

— То есть ты обещал мне сюрприз, и он, полагаю, находится именно у тебя в резиденции?

— Именно так.

Вот теперь она подается назад и смотрит на меня с улыбкой.

— Ты играешь нечестно, Торн Ландерстерг.

— Я политик.

— Ты сейчас называешь всю политику нечестной игрой?

— Нет, я называю вещи своими именами. Политика — искусство добиваться того, что тебе нужно так или иначе. Не ожидай тебя сюрприз в резиденции, вряд ли бы ты согласилась.

— Сюрприз или предложение, от которого нельзя отказаться. — Она складывает ладони, и тут же кладет их на стол. — А если я все-таки откажусь?

— Тогда ты не узнаешь, что я хотел тебе предложить.

Солливер вздыхает — легко, а после кивает:

— Могла бы сказать, что ты не оставил мне выбора, но это не так. Предполагаю, это что-то очень интересное.

Вместо ответа я поднимаюсь и подаю ей руку. Наше шествие по ресторану отслеживают все, в гардеробе, где я накидываю пальто ей на плечи, и на парковке все тоже смотрят на нас. Я к этому привык и Солливер — тоже. Она реагирует на внимание так, как должна реагировать первая ферна. Она его принимает как должное.

Мы садимся во флайс, и там Ригхарн кладет ногу на ногу.

— Даже не представляла себе, что это будет так.

Чулки она не носит. Или носит, но не постоянно.

Изгиб бедра под платьем вызывает желание скользнуть ладонью по теплой коже под тонкой защитой колготок. Обманчиво-тонкой, когда три года назад изобрели синтетическую ткань, способную сохранять тепло и при этом не выглядеть как наряд рейдера в фервернские пустоши, ее изобретатель обогатился. Точнее, изобретательница, посвятившая этому лет десять своей жизни, которые сейчас сполна окупились.

Ее патент приносит такие доходы, которым могут позавидовать многие.

— О чем ты думаешь, Торн?

— Думаю о том, как ты это себе представляла.

Странно будет сообщить роскошной, соблазнительной женщине о том, что я думал на самом деле, глядя на ее изгибы.

Иногда мне кажется, что она видит меня слишком хорошо. Даже лучше, чем мне бы хотелось, потому что сейчас произносит:

— Примерно так.

А после подается вперед, обтекая меня своим роскошным изящным телом и накрывает мои губы своими.

Ее губы горячие, мягкие и податливые. Раскрывающиеся навстречу моим с той же легкостью, с которой, я уверен, она раскроется, распластанная по кровати. Я пробую их на вкус, зарываясь пальцами в ее волосы, которые шелком скользят по моей ладони.

Вторая вряд ли смогла бы чувствовать так — под слоями новой перчатки беснуется пламя.

Солливер запрокидывает голову, с губ срывается тихий стон — на миг, когда ей перестает хватать дыхания, а после скользит пальцами по моему бедру. Я перехватываю ее ладонь за мгновение до того, как она ляжет на пряжку ремня.

— Не боишься, что сюрприз окажется несколько смазанным?

— Если только он не у тебя в штанах.

Ее ладонь накрывает мой член и мягко сжимает, в глазах, которые разогрелись до невыносимо-яркой летней зелени — полное отсутствие тормозов.

Мне это нравится.

Что мне не нравится — угрожающее рычание внутри и спазм, на миг перехватывающий запястье под перчаткой стальным браслетом.

И дикое, совершенно нереальное желание увидеть на ее месте Лауру Хэдфенгер. Чувствовать все то же самое — как тонкие пальцы скользят по пряжке ремня, расстегивая его, как повторяют движение молнии.

Как светлые волосы растекаются по моим бедрам, а губы обхватывают напряженную до боли головку. Сжимаются плотно, вызывая хриплое рычание в нас двоих — пока еще мягким скольжением сверху вниз.

Я сам не представляю, когда успел завестись настолько, но у меня действительно стоит так, что каждое движение ее рта отзывается наслаждением, способным вынести контроль с мощью беснующегося внутри дракона. Скольжение губ и пальцев — то расслабляющихся, то сжимающихся плотным кольцом.

Я вижу струящиеся между покрытых чешуей пальцев светлые пряди, как наяву, это «наяву» вышибает из меня все, что я вращивал долгие годы. Ладонью поверх шелка волос — в перчатке, сгребаю их в горсть на затылке, плотно насаживая на себя этот податливый рот. Сильнее и жестче, задавая ритм — до той грани, когда очередной спазм наслаждения переходит в пульсацию.

Мощную, сильную, яростную, которую она принимает в себя без остатка.

Солливер поднимает голову, отбрасывая растрепавшиеся волосы за спину, касается пальцами уголков губ, а после облизывает их.

— Да, ты действительно привык все контролировать, Торн, — сообщает с легким смешком, удобно устраиваясь на сиденье.

— Я этого никогда не скрывал.

Дракон внутри рвется, стирая когти о броню внутренней чешуи, рычит, исторгая пламя, а я смотрю на летящий вокруг нас город, в который флайс ввинчивается с немыслимой скоростью.

Пожалуй, сегодня ночью будет следующий оборот. Нам пора привыкать к тому, что мы — единое целое.

Глава 4

Эта резиденция — одно сплошное напоминание. Напоминание о семье, а теперь вот еще и о Лауре Хэдфенгер, которая... которая. Я перевожу взгляд на идущую рядом женщину: для нее ничего не изменилось, словно во флайсе между нами ничего не было. Это мне нравится еще больше. Да, она идеальна.

Солливер Ригхарн — просто находка.

Чувствуя мой взгляд, она поворачивается и награждает меня долгим глубоким взглядом в ответ.

— Даже не спросишь, зачем мы здесь?

— А ты расскажешь?

Я останавливаюсь, открываю дверь.

Верраж подросток: он занимает уже гораздо больше места, чем несколько недель назад. Драконенок вскидывает голову, но сейчас меня интересует не он. Солливер смотрит на него, потом на меня.

— Это тот самый дракончик?

Тот самый. Ради которого я отключал щиты.

Хотя кому я лгу, я отключал щиты ради Лауры Хэдфенгер. Как сейчас вижу ее, в коктейльном платье, опускающуюся рядом с ним на колени, и тянущуюся к ней морду с распахнутыми во всю ширину глазами.

Временами мне казалось, что я тянулся к ней точно так же.

Расчетливая лживая тварь.

— Да.

Ответ получается более чем резким, и Верраж подскакивает, ощутив удар пламени. Солливер обхватывает плечи руками:

— Прохладно тут у тебя. Так мы зайдем?

Это не тот случай, когда женщину надо пропускать вперед, поэтому я захожу первым. Верраж втягивает носом воздух, чувствуя ее присутствие, выворачивает шею так, чтобы видеть незнакомого человека.

— Ты разве не должен его отпустить? — Солливер останавливается рядом со мной, ни шагом дальше, ни шагом ближе.

— Нет. Пока он не выживет. Как только сможет за себя постоять и определится, он уйдет сам.

— Вот как.

Она все-таки делает шаг вперед, но я преграждаю ей путь.

— Что скажешь, Солливер?

— А что я должна сказать? Милый маленький дракон, не менее опасный для меня, чем большой, я полагаю.

В ней нет к нему никаких чувств, я это понимаю, равно как это понимает Верраж. Он садится, кончик хвоста чуть подрагивает, не сводит с нее настороженных глаз: пытается понять, что от нее ожидать. Мне хочется усмехнуться — сегодня весь вечер я занимался примерно тем же, и то, что я вижу, меня устраивает.

Что нельзя сказать про него.

— Я думаю, вы подружитесь.

— Ты в это веришь, Торн?

— Да. Со временем.

— Не представляю, сколько времени должно пройти.

— Зависит от того, сколько времени ты готова ему уделять.

— Для него я всего лишь человек, и ты сам это знаешь.

— Пока.

— Что значит — пока? — В голосе Солливер звучит искренний интерес.

— Что ты знаешь о харргалахт?

Она вопросительно смотрит на меня.

— Отведите его на прогулку, — последнее относится к мергхандарам, дежурящим у двери Верража.

Теперь я пропускаю Солливер вперед.

— Продолжим в моем кабинете.

В моем драконовом кабинете о ней напоминает даже стол. Надо будет его сменить, пока его не постигла участь тренажерного зала.

— Харргалахт — метка принадлежности женщины иртхану.

— Или мужчины иртханессе?

Я только что помог ей сесть, но сейчас останавливаюсь, рука по-прежнему на спинке ее кресла.

— Что? — усмехается Солливер. — Или иртханессам не позволено будет выбирать в мужа людей? Согласись, тогда реформа будет не полной.

Я все-таки обхожу стол и сажусь.

— Об этом речи пока не идет. Сейчас реформа на стадии формирования, и, скажем так, мне нужно ее закрепить удачным политическим союзом. Харргалахт дает защиту от пламени. Теоретически иртханы способны удерживать пламя во время секса, но для создания более сильного потомства это полезно. Не говоря уже о том, что пламя само по себе часть нас, и для обычной женщины это может привести к нежелательным последствиям — привыканию и заикленности. Чтобы этого избежать, была разработана харргалахт, в ней содержится частица пламени иртхана.

— То есть это прививка?

— Можно сказать и так. Частица моего пламени позволит тебе приближаться к Верражу, и он перестанет видеть в тебе человека.

— Какая занимательная штука, эта харргалахт. — Солливер закусывает губу, потом опирается на подлокотник. — И у нее нет никаких побочных эффектов, Торн? У всех прививок есть побочные эффекты.

Я сцепляю пальцы, чувствуя обычной рукой неровность чешуи под перчаткой.

— Родство пламени. Иртханы выбирают себе пару, ориентируясь на совпадение огней. Есть огни, которые сочетаются — таких комбинаций может быть бесчисленное множество, и в такой паре кровь иртхана может быть усилена в потомстве, но если огни иртхана и иртханессы совпадают — это идеальная пара. После совпадения огней обычно происходит слияние. Во время секса. Впоследствии по желанию такие супруги могут образовать пару.

Я сделал паузу, а после продолжил:

— Когда я отдаю тебе частицу своего пламени, это не просто совпадение. Это идеальное совпадение, или родство пламени, поэтому да, Солливер. Побочный эффект есть. На других мужчин с моим харргалахт ты больше не посмотришь.

— Серьезное заявление.

— Такова природа харргалахт.

Солливер вздыхает:

— Как же с тобой сложно, Торн Ландерстерг. Куда ни посмотри, одни сплошные ограничения и обязательства.

— Без этого в моей жизни никуда. Хорошо, что ты это понимаешь.

Солливер поднимается, и в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы она вышла за дверь и закрыла ее. Эта мысль никак не вяжется с тем, что мне нужно, но она

приходит — мимолетная, скользящая и незначительная, как поток воздуха под крылом, чтобы тут же смениться штилем.

Она обходит стол, скользя кончиками пальцев по его поверхности, и это скользящее движение продолжается на моей перчатке.

— Значит, харргалахт, — произносит она, устраиваясь на столе и чуть наклоняясь ко мне.

Такая же мимолетная мысль о том, чтобы стянуть ее с этого стола — рывком, сильно — уже больше похожа на удар штормового ветра, поэтому я кладу ладонь на ее колено.

На этот раз мою руку перехватывает она.

— Ты собираешься поставить ее мне между ног?

То, как она говорит об этом, не оставляет ни малейшего сомнения: ей плевать, даже если так. Она просто откинется назад и разведет бедра.

— Харргалахт наносится над сердцем, чтобы была прямая связь моего пламени и твоей сути.

Солливер смеется.

— Ну в таком случае предлагаю переместить твою руку туда, где она будет наиболее функциональна.

Вместо ответа я стягиваю перчатку. Мне не надо смотреть ей в глаза, чтобы почувствовать реакцию тела: Солливер напрягается. Лаура даже не дернулась, а Солливер напрягается ощутимо. Настолько, что кожу начинает покалывать иглами животного страха. Недолго, но достаточно для того, чтобы позволить ей эту слабость и теперь уже посмотреть ей в глаза.

Что у нас там еще помимо страха?

— Что это? — спрашивает она.

— Последствия удара пламени.

— Но ты... разве такое возможно?

Помимо страха там еще интерес. Толика любопытства, но больше — такой ключевой исследовательский интерес, который ассоциируется у меня с ней гораздо больше, чем она думает. Почувствуй я хоть на миг отвращение или неприязнь, или что-то в том же ключе — Солливер оказалась бы за дверью раньше, чем успела это понять.

Поэтому сейчас я почти касаюсь покрытыми чешуей пальцами ее губ.

— Как видишь. Это секретная информация, Солливер, цени.

Ответа не дожидаясь, киваю:

— Снимай платье.

Она поднимается и поворачивается ко мне спиной. Шуршит пояс, ткань обтекает ее тело, обнажая идеально чистую кожу, покатые плечи. Полоску белья.

Талию.

На талии оно и остается, Солливер подхватывает его и поворачивается ко мне лицом.

— Будет больно, — предупреждаю я. — И, возможно, ты не сразу его примешь.

— Что значит — не сразу?

— Может быть жар. В ближайшие сутки придется пить много воды.

— Я пью каждый час, — хмыкает она, а потом скользит пальчиком от ключицы к кромке белья. — Так что давай приступим.

— Вижу, ты любишь командовать.

— Никак не могу избавиться от этой пагубной привычки. Ты, судя по всему, тоже.

Я почти касаюсь ее плеча, змейка пламени стекает по воздуху за моей рукой. Солливер закусывает губу, глядя мне в глаза, а потом неожиданно обнимает меня за талию и подается вперед. Удар бедер о бедра получается слишком внезапным, равно как и прикосновение моих пальцев к ее груди. Первая искра пламени впивается в нежную кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.